

Путешествие по Палестине в 1925 году¹

АВРААМ
КАГАН

Авраам Каган родился в 1860 году в литовском местечке Паберже Виленской губернии в семье ортодоксальных евреев. Его дед был раввином, отец – преподавателем иврита; то же будущее ждало и Авраама: его отправили учиться в иешиву². Однако Каган рано увлекся светскими дисциплинами и изучением русского языка, а чуть позже стал интересоваться революционными идеями. В 1882 году, после того, как полиция устроила в его доме обыск, он эмигрировал в Америку.

В США Авраам Каган стал журналистом социалистической ориентации, писал на идише и на английском языке, который быстро освоил. Он работал репортером нескольких еврейских социалистических изданий, а в 1897 году основал «Форвертс» – пожалуй, самую влиятельную и популярную газету на идише за всю еврейскую историю. «Форвертс» выходит и по сей день на идише и английском.

Книга «Палестина. Путешествия в 1925-м и 1929 годах» является доработанным и расширенным сборником путевых заметок Кагана, написанных для публикации в «Форвертс». Автор намеревался дать очерк жизни в подмандатной Палес-

Авраам Каган (1860–1951) – литератор, журналист, один из основателей социалистической газеты на идише «Форвертс», деятель американского социалистического движения.

1 Перевод по: КАГАН А. *Palestine. A bazukh in yor 1925 un in 1929*. New York: Forverts association, 1934. Z. 11–33, 45–57.

2 Высшая школа изучения еврейского религиозного права (галахи), центр традиционной еврейской учености.

АРХИВ «НЗ»

тине³; предполагалось, что эти тексты заинтересуют американских евреев, сочувствующих сионистскому проекту и материально его поддерживающих.

К Первой мировой войне Палестина находилась под властью Османской империи; в самом начале XX века там жило немного евреев, в основном ультраортодоксальных. Довольно часто евреи приезжали в Палестину умирать, так как считалось, что после прихода Машиаха (мессии) именно там можно первыми восстать из мертвых.

В конце XIX века в Европе возникает идеологическая концепция сионизма, предполагающая создание на территории Палестины государства евреев; своей государственности они были лишены с момента разрушения Второго Иерусалимского храма римлянами в 70 году нашей эры. Светские идеи сионизма чаще всего вызывали резкое неодобрение религиозных евреев: они верили, что государство Израила может и должно быть создано лишь после прихода Машиаха.

Идеи сионизма – и соответствующее политическое движение – постепенно набирали популярность. К 1925 году уже несколько волн переселенцев осели в Палестине. Интересно, что, несмотря на общее недовольство местных арабов (прежде всего крестьян-феллахов), прирост еврейского населения в этих землях не был бы возможен без их содействия: евреи выкупили землю – причем по немалой цене – на деньги, которые жертвовались им по всему миру. Самую мощную поддержку сионистскому проекту оказывали евреи США. Что касается позиции британских властей, то в 1920-е они пытались ограничить еврейскую эмиграцию в Палестину – для поддержания стабильности (в частности, этнической) на подмандатных территориях.

Публикуемые ниже отрывки описывают первое путешествие Авраама Кагана в Палестину в 1925 году. **[Ася Лейдерман]**

КАК Я ДОБРАЛСЯ ДО ИЕРУСАЛИМА

Мы – я и моя жена – приехали в Кантару⁴, разделяющую Египет и Палестину. Она же была границей между Азией и Африкой. [...]

Сейчас мы в Африке, но еще три минуты – и будет уже Азия. От этого чувства сердце начинает биться быстрее.

3 В 1922–1948 годах находилась под управлением Великобритании согласно мандату Лиги наций.

4 Эль-Кантара – город на севере Египта, расположенный рядом с Суэцким каналом.

«Передо мной Суэцкий канал!» – сказал я себе с трудно передаваемым чувством. Я не мог оторвать глаз. В этот же момент показался большой корабль, будто чтобы специально проиллюстрировать мысль, которая занимала все мое сознание. Я стоял в изумлении. Канал так узок, что корабль занимает его почти целиком. Он движется очень медленно. [...]

Египет находится под британским контролем, и Палестина находится под британским контролем. По обеим сторонам Суэцкого канала расположены британские военные. Канал целиком принадлежит Британии, но проплывать по нему могут суда любых стран. Стремление британцев удержать Суэц, ключик между Средиземным и Красным морями, было ключевой причиной получить Палестину в свои руки после Великой войны⁵. В военном смысле канал имеет для Англии огромное значение.

Однако Египет и Палестина – разные страны. Как и на всех других границах, здесь существует таможенная станция. Вам заморочат голову проверкой паспортов так же, как при поездке из Германии во Францию.

Но Англия так заинтересована в наличии здесь таможни не только потому, что Палестина – отдельное государство. Англия – практичная страна, и беспокоить путешественников просто так не в ее натуре. Таможенный пункт при въезде в Палестину вполне настоящий, и сионисты относятся к нему очень серьезно. Прямо на границе, на берегах, где досматривали мой багаж, я столкнулся с проблемой, являющейся для евреев Палестины одним из ключевых поводов для беспокойства.

Они надеются развить в Палестине промышленность. Но позволит ли это Британия? Она видит в колониях рынок сбыта для своих товаров. Цель Англии состоит в том, чтобы колонии закупали продукцию ее фабрик, а не производили свою. Ей нужны высокие налоги на ввоз сырья в Палестину, чтобы его было как можно меньше. Кроме того, ей также важны высокие пошлины на вывоз из Палестины готовой продукции.

Поэтому таможня на въезде в землю Израиля не пустой звук.

Мы уже в Азии, или – если быть точнее – в Малой Азии. Здесь нас ждет поезд – европейский поезд, с европейскими спальными вагонами.

В 6 утра, после ночи езды, мы приехали из Кантары в Лод. Там нас уже ждали несколько друзей, которые приехали из Тель-Авива и Иерусалима, чтобы нас встретить. Среди них был мой молодой товарищ Мойше Виноград, который приехал спе-

5 Имеется в виду Первая мировая война.

циально из Нью-Йорка, чтобы сопровождать меня в дальнейшем путешествии и помогать как секретарь.

Лод находится в полчаса езды от Тель-Авива, который сейчас играет роль фактической столицы еврейской Палестины. Но, согласно разработанной ранее программе, сначала мне нужно было посетить Иерусалим. Для этого мы сели на еще один поезд, более медленный, который через 4 часа привез нас в Иерусалим.

Земля вокруг была плоской, очень плоской: сухие скудные равнины.

Были видны арабы. За последние две недели я видел тысячи арабов. Их было много на корабле, на котором я приплыл из Триеста в Египет; в Каире и Александрии, где я провел почти неделю, все улицы, кафе и магазины заняты в основном арабами. Но арабы, которых я видел из поезда, выглядели совсем не так, как арабы в Египте.

В Египте население преимущественно чернокожее – и выглядит, совсем как негры. Некоторые чуть светлее, у некоторых нет негроидных черт лица, но все они перемешаны, и между ними нет разницы ни в социальном плане, ни в вопросах брака. Светлокожие арабы – в Египте редкость.

Люди, которых я видел из вагона, тоже были не совсем белыми. Кожа у них была темно-коричневой, но на негров они были совсем не похожи.

Визуально они очень похожи на нас, евреев. И, чем больше я на них смотрел, тем больше чувствовал это сходство. Я пытался представить, как тот или иной араб будет выглядеть, если его одеть в европейскую одежду. Можно ли будет подумать, что он еврей? И каждый раз я отвечал себе: «Да, конечно!». [...]

В основном они стояли или сидели на земле, рассматривая людей серьезно, словно бы с тоской в глазах. Эту же тоску можно увидеть и в тысячах еврейских местечек.

Не зря и мы, и они принадлежим к семитской группе. Существует даже теория о том, что арабы, которые живут в Палестине, когда-то были евреями. Не знаю, правда это или нет, но они и правда очень похожи.

Очень часто на станциях, когда я смотрел на группу арабов, на то, как они сидят в своих бесформенных одеждах и накрученных вокруг головы тюрбанах, я неосознанно ловил себя на мысли: так выглядели наши предки во времена праотца Авраама.

Станций было много. Поезд останавливался каждые несколько минут. Но вокруг станций было совсем мало домов. Деревни, которые встречались нам на пути, были очень маленькими и выглядели скорее как бедные цыганские стоянки. Тут и там виднелись стада овец – желтовато-белых или полностью чер-

ных. В иных местах черные овцы были смешаны с черными козами.

Несколько пастухов: мужчины, женщины, дети. Они сидели на земле среди животных. Проезжали фигуры на ослах или верблюдах. Они сидели ровно, двигаясь с неевропейской расслабленностью. В одном месте арабский мальчик лет десяти сидел на верблюде задом наперед. Верблюд высокий, так что он сидел будто на крыше. Но мальчик держался с тем же спокойствием, что и взрослые наездники.

Многие верблюды были нагружены вещами. Огромная гора из чего-то вроде травы или соломы. Эта гора движется сама собой. Вначале это производит странное впечатление. Но потом вы замечаете, что под этой горой плетется верблюд. Непонятно, насколько тяжела его поклажа. Неизвестно, что в ней находится. Судя по размеру поклажи, она явно не может быть легкой. Но верблюд движется своей степенной поступью, как и всегда.

Раньше я думал, что верблюд – это неуклюжее, некрасивое создание. В Египте я поменял свое мнение. Когда смотришь на верблюда немного издалека, все его движения кажутся наполненными красотой и изяществом, длинные стройные ноги и тонкая шея делают его похожим на большого грациозного аиста. А осел, который, разумеется, намного меньше верблюда и чьи большие непропорциональные уши делают его немного нелепым, намного выносливее, чем кажется на первый взгляд, и так же может нести на себе много поклажи.

Очень интересно наблюдать, как арабы ездят на этих животных.

Однажды я видел такую картину: движется гора из различных бочек, и сверху на ней сидят две арабки с младенцами на руках. Они сидят высоко, на уровне второго этажа, и всю эту конструкцию несет верблюд. Это было одновременно забавно и трагично.

В Александрии, Каире и других песчаных местностях арабы носят длинные свободные одежды до самой земли с широкими рукавами. Обычно они белые или черные, но бывают и голубые или желтоватые. В такой одежде и высокой красной феске (мусульманский головной убор, который носят все от мала до велика) арабы выглядят еще выше, чем они есть. Впрочем, в реальности они тоже высокие, высокие и стройные.

Арабы, которых я видел в Палестине, не носили таких длинных платьев. Их короткая одежда была, как правило, неопределенной формы и непонятного цвета. Они выглядели так, будто обмотались грязной потрепанной тканью. Это еще больше усилило эффект погружения в прошлое. Мне казалось, что именно так выглядели герои из Торы.

На какой-то из станций я встретился взглядом с пожилым седобородым арабом, который сидел на земле со сложенными руками, я ощутил странное чувство. «Библейский взор!» – сказал я себе. [...]

Повсюду были видны арабские женщины с детьми на руках. Два араба сидят и разговаривают, а за ними стоят их жены с младенцами и готовят еду. Дети, много детей...

Невольно я поймал себя на мысли, что эта картина имеет отношение к проблеме еврейского меньшинства в Палестине. На сегодняшний день арабов здесь в шесть раз больше, чем евреев. Еврейским женщинам не приходится жаловаться на неплодовитость, а уж арабским – тем более.

Разумеется, существует еврейская эмиграция – но как много людей могут эмигрировать?

* * *

На одной станции на английском и иврите было написано «Ашдод». Еврейская надпись была крупнее. Это первый топоним из Танаха⁶, который я помню. Слово «Лод» мне тоже известно, оно встречается уже в Талмуде⁷. Но, когда мы приехали в Лод, я не заметил там таблички с названием. Так что Ашдод – первое слово из прошлого, которое привлекло мое внимание. Однако, кроме таблички, ничего не было видно. Где же сам город?

Пустынные, безжизненные участки земли ненадолго прервались, и показались полоски зеленой травы, группки деревьев и лужайки, словно бы природа внезапно ожила.

Затем показалась гора. Природа вновь отмерла. Вокруг скалистая местность, лишь тянутся узкие полоски травы и пасутся стада овец, ослов или коз. Удивительно, но даже здесь они найдут, чем питаться. Вспоминаются плодородные поля Египта. Различие между этими землями колоссальное, можно сказать, ужасающее.

Горы становятся все больше и отвеснее. Вы смотрите во все стороны, высовывая голову из окна. Вы словно находитесь в замке – вокруг лишь голые скалистые горы.

Это Иудейские горы, о которых каждый мальчик узнает в хедере⁸, изучая священное писание.

Из Торы мы знаем, что путешествие из Египта заняло у евреев 40 лет. Мы проделали этот путь за одну ночь. У евреев времен

6 Танах – комплекс иудейских религиозных текстов, состоящий из книг Торы, Пророков и Писаний.

7 Талмуд – свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма, сформировавшийся приблизительно в VI веке.

8 Хедер – начальное религиозное учебное заведение, которое должны были посещать все еврейские мальчики в возрасте от трех до тринадцати лет.

Моисея, увы, не было поездов со спальными вагонами, так что им пришлось тащиться через огромные арабские пустыни. [...]

Я начал разговор с представителем организации рабочих в Палестине, тут поезд остановился, и кто-то крикнул:

– Иерусалим! Приехали!

Со странным ощущением я начал вставать со своего места. В конце концов, я оказался в том городе, о котором слышал с тех пор, как себя помню! Городе, о котором отец мне рассказывал, когда я только начал понимать слова. Особый город, драгоценный город, святой город Иерусалим, о котором поют песни дома и в синагоге, о котором рассказывают маленьким детям в хедере...

Вы представляли себе этот город буквально всю свою жизнь. В молодости фантазия рисовала его одним способом, во взрослом возрасте – иначе. И всегда это был образ, полный магических тайн. Каждый раз, когда вы произносите слово «Иерусалим», перед вами предстает город, уходящий корнями в вечность.

«Вечным городом» часто называют Рим, но любой еврейский мальчишка знает, что на самом деле настоящий вечный город – Иерусалим.

Но вначале нужно разобраться с багажом. Шум и суета. Набираем арабского носильщика.

Выходим на платформу. Маленький тихий вокзал, как в каком-то маленьком городе в России или Польше.

В следующую минуту мы уже на улице. Поднимаемся в гору. Вскоре мы уже в центре городе на одной из ключевых улиц – Яффской дороге.

Путешествие из Египта заняло у евреев 40 лет.
Мы проделали этот путь за одну ночь. У евреев
времен Моисея, увы, не было поездов со спальными
вагонами, так что им пришлось тащиться через
огромные арабские пустыни.

КАК ВЫГЛЯДИТ ИЕРУСАЛИМ?

Если читатель представляет себе Иерусалим как обычный город, он глубоко заблуждается.

Из всех городов, где я был, самое сильное впечатление на меня произвела Венеция. Она принципиально отличается от других городов. То же ощущение абсолютной инаковости оставил Иерусалим.

Вы постоянно слышите о двух Иерусалимах – старом и новом. Старый город отделен от нового стеной. В ней есть несколько больших ворот. На каждом воротах стоят большие железные двери. Еще несколько десятков лет назад эти двери запирались на ночь; в былые времена город по ночам закрывали, как сейчас закрывают дом.

И стена, и ворота, и двери по-прежнему остались. Это уже не та стена, которая окружала Иерусалим две тысячи лет назад; не та стена, через которую Тит вошел в город⁹. Та стена была давно уничтожена римлянами и другими захватчиками. Но эта стена тоже достаточно древняя и преимущественно проходит по тем же местам, что и старая. Части ее сложены из камней, которые несут на себе следы времени. [...]

Новый город вырос за пределами крепостной стены. Он начинается прямо у ее ворот, и жители обеих частей смешиваются между собой, как будто бы стены не существовало. Однако же различия поразительны.

* * *

Иерусалим стоит на горе, и его улицы расположены под отвесным углом. Некоторые из них настолько крутые, что, если бы не лестницы, передвигаться по ним было бы невозможно. По таким улочкам нужно ходить осторожно. Если забыть, что это лестница, можно что-нибудь себе сломать. Подобных улиц полно в новом городе, а в старом – еще больше.

В обеих частях города есть еврейские улицы и магазины. Евреи составляют около половины населения Иерусалима и ведут активную деятельность во всех его частях. Но арабам также принадлежит большое число лавок, складов и лотков. Некоторые крупными магазинами владеют христиане.

Старый город выглядит намного беднее. Там есть люди, которые ведут приличную жизнь, но живет там и бесчисленное число бедняков, живущих существующих в непредставимой нищете.

Улица Яффо – самая фешенебельная в Иерусалиме, здесь расположены лучшие магазины. Она находится в новом городе, тоже расположена на горе и по большей части представляет собой лестницу. Если посмотреть на какой-нибудь магазин, на мгновение может возникнуть ощущение, что вы находитесь в обычном современном городке где-нибудь в Европе. Но оно быстро проходит. Общий облик магазинчиков не имеет ничего общего с европейской картиной.

⁹ Описывается разрушение Иерусалима римлянами в 70 году нашей эры – ключевое событие первой Иудейской войны, в ходе которого был уничтожен Второй Иерусалимский храм. После поражения евреев было запрещено жить на территории Палестины. 70-й считается годом начала еврейского рассеяния.

Гористость местности и скудость здешней почвы дают о себе знать на каждом шагу. По правую сторону от улицы Яффо располагается городской сквер. Сам я не смог бы додуматься, что это такое – пришлось спросить. Стоя на противоположной стороне улицы, я увидел несколько небольших деревьев, листья которых были словно покрыты мукой. Между редкими деревцами сухая мертвая земля без признаков травы.

Двое юношей упражнялись в шутках над так называемым городским парком.

– «Нет воды! Нет воды! – говорили они с грустной усмешкой. – Рутенберг¹⁰ уже поручил, чтобы она появилась, но концессию передали греку. Поезжайте в Тель-Авив, там вы увидите, как разбивать настоящий парк».

Недостаток воды трагично сказывается на облике Иерусалима. Он ощущается везде.

Если пройти минут десять, обувь покрывается песчаной пылью. Мой багаж, который я оставил в отельном номере, покрыт ею целиком. Кажется, что весь новый город, как и в былые времена, построен из материала, который вскоре сотрется, как мел.

Большие пустые участки, прерывающие улицы нового города, создают впечатление, будто все улицы построены на обломках старых зданий.

* * *

Давайте ненадолго перенесемся в старый город.

Снова позволю себе начать со сравнения. Я уверен, что это позволит читателю лучше понять, что представляет собой старый Иерусалим.

Помпеи почти восемнадцать веков были спрятаны под землей, забытые и покрытые пеплом. На них наткнулись случайно и начали раскапывать, и сейчас город можно увидеть ровно таким, каким он был перед своей гибелью. Однако нужно долго спускаться по узкому лазу, пока вы не увидите древних улочек Помпеи.

Ровно такой же путь вам придется проделать, чтобы увидеть живой старый Иерусалим.

Долго спускаетесь по улице Яффо, пока не придете к одним из городских ворот. Евреи называют их Башней Давида,

10 Пинхас (Петр) Рутенберг (1878–1942) – эсер, организатор и участник убийства в 1906 году Георгия Гапона. По профессии – инженер. Впоследствии – один из руководителей сионистского движения. В 1920-е добился от британских властей концессии на электрификацию подмандатной Палестины, построил первые электростанции, создал и возглавил существующую и поныне в Израиле электрическую компанию.

поскольку верят, что там находилась крепость царя Давида¹¹, указывая на то, что из тех же камней построена Стена Плача¹².

Вы входите в ворота. Минуту или две идете прямо. Светит солнце, чистое небо. Но вскоре начинается лестница, и вы спускаетесь вниз. По обеим сторонам от нее расположены многочисленные лавки. Это очень узкая улочка. Она состоит целиком из каменных ступеней, так что по ней нельзя проехать. Вскоре над вами оказывается крыша. Улица пролегает под сводчатым потолком. Полумрак. Потолок заканчивается, и вы снова видите небо, потом он снова начинается. И таким образом вы все спускаетесь вниз.

Если поднять голову, будет видно, что обе стороны улочки соединены сверху мостками. На каждом из них расположены квартиры.

Магазинчики здесь самые разные: некоторые побольше, некоторые совсем маленькие. Большинство из них словно выбиты в стене. В одном месте вы увидите большой склад или кафе, где сидят арабы и пьют кофе из своих маленьких чашечек; и совсем рядом что-то вроде выемки в стене, где арабские крестьяне продают фрукты, куски ткани или арабские сладости.

Во многих местах улица прорезана небольшими переулками. Некоторые из них идут вдоль лестницы, некоторые отходят в стороны. Основная улица такая узкая, что здесь едва могут разойтись 5–6 человек. Боковые улочки еще уже. Но не все: какие-то шире и светлее. А вы все идете вниз. Порой кажется, что вы спускаетесь в погреб.

В каком-то месте от основной отделяется боковая улочка, очень известная еврейская улица. Она создает впечатление настоящей прямой улицы. Ее возраст насчитывает сотни лет, это улица, которая ведет в еврейские кварталы старого города. Мы пойдем туда чуть позже. Мы направляемся в другую сторону, заходим все глубже и глубже. Время от времени проходит какой-нибудь араб с ослом и вдавливают нас в стену. Лучше спрятаться: ослы могут сильно ударить.

* * *

Здесь я рассказал об одной улице старого города, но таких улиц еще очень много, и от каждой из них отходят десятки боковых улочек.

11 По-видимому, автор не разобрался в географии Иерусалима. Эти ворота называются Яффские, недалеко от них расположена Башня Давида.

12 Стена Плача – в иудейской традиции Западная стена – единственная уцелевшая часть стены вокруг Иерусалимского храма, разрушенного римлянами в 70 году. Является местом паломничества.

Таков весь старый Иерусалим, словно целиком расположенный на лестницах, которые ведут вниз.

Многие основные улицы выглядят, как переулки, так что иногда бывает непросто отличить улочку от чьего-то двора. Некоторые дома расположены на высоте. Из-под груды камней можно рассмотреть его окна и крыльцо. А некоторые дома, как я писал выше, построены из подмостьев, под которыми мы шли. Город стоит на склоне горы, и многие дома стоят на обломках. Неизвестно, что можно обнаружить, если копнуть немного вглубь.

За вечер я ходил туда и обратно два раза на вечернюю молитву. Я провел там около трех часов в сопровождении товарищей по социалистическому движению, изучая все улицы и закоулки старого города.

От старого Иерусалима у меня осталось общее впечатление, будто этот город откопали из-под земли и оживили. [...]

* * *

В Иерусалиме очень много церквей, потому что у христиан этот город также считается священным. Посетить эти места приезжают многие.

Если почитать буклеты туристических агентств, можно и позабыть, что Иерусалим имеет какое-либо отношение к еврейскому народу. Можно подумать, что самые важные страницы его истории связаны с Иисусом Христом и его апостолами. Вот здесь он стоял, туда он пошел, здесь с ним случилось одно, а там – другое.

Из-за подобного уровня «святости» многие страны построили здесь свои церкви: итальянскую, немецкую, русскую и другие. Существуют и различные миссионерские организации. Разумеется, они сильно отличаются от мечетей, самая древняя и почитаемая из которых находится на месте, где когда-то стоял Иудейский храм. [...]

* * *

Что за людей можно встретить на улицах Иерусалима? Самых разных!

Старый город кишит бедняками, а в новом можно встретить много людей, чей облик говорит о хорошем экономическом положении. Но жители города постоянно перемешиваются.

В новом городе живут много арабов из Египта. Они работают в отелях или офисах. По облику и цвету кожи египетских

арабов легко можно отличить от палестинских, о чем я уже писал.

Араб-горожанин, разумеется, одет намного лучше араба-крестьянина. Часто можно встретить арабов-христиан, крещеных миссионерами. Таких нетрудно узнать: они одеты по-европейски. Христианские арабки не носят хиджабы; их головная повязка – защита от солнца или дань европейской моде, не имеющая ничего общего с мусульманской религией. Встречаются и христиане из Европы, которые живут здесь или совершают поездку по святым местам.

{ От старого Иерусалима общее впечатление, будто этот город откопали из-под земли и оживили.

Улицы Иерусалима полны и других колоритных персонажей: босой крестьянин, одетый в библейские лохмотья; араб в роскошном платье цвета корицы; араб, работающий при консуле, в униформе из шелка и золота – каждый по отдельности и все вместе они добавляют красок в облик города.

Дополняют картину русские и греческие священники в высоких черных шапках без козырька. А вот идут рядом несколько богатых арабов, что-то обсуждая. У каждого на голове белый платок с черной окантовкой и пальто желто-красного или коричневого цвета. Арабы и священники сталкиваются на узкой улочке. Смешение цветов и фактур так примечательно, что хоть бери карандаш и рисуй. А вот босой крестьянин, весь в пыли, тащится из деревни со своим ослом, внимательно осматриваясь по сторонам. Его голова и тело обвязаны белыми тряпками. Ослу преграждает путь еврей в большом штраймле, с длинными пейсами и в накидке из красного плюша, тут же идет польский еврей – сочетание варшавской Налевки¹³ и еврейской улицы где-нибудь в Персии.

Такие яркие сочетания здесь на каждом шагу.

В Иерусалиме можно встретить евреев со всех концов света: русских, польских, галицийских, иранских, бухарских, туркестанских, йеменских евреев, чьи отцы или деды осели здесь. Опытный взгляд легко заметит, откуда приехал тот или иной еврей, хотя иногда эти различия понятны и новоприбывшему.

Численность населения Иерусалима составляет около 60–65 тысяч душ, около половины из них – евреи, приехавшие сюда отовсюду. Большинство из них – коренные жители города, живущие здесь на протяжении многих поколений, но, несмотря на долгую историю, они сохраняют свою самобытность. Все говорят между собой на иврите с сефардским акцентом,

13 До 1939 года улица Налевки в Варшаве – один из наиболее оживленных еврейских районов в мире.

пришедшим от сионистов, но, кроме этого, они используют свои местные языки – арабский, персидский, бухарский, литовский идиш, польский идиш, венгерский идиш и так далее.

Общаясь между собой, евреи иногда начинают говорить на других еврейских языках, но делают это плохо. Так, какая-то еврейка разговаривала со мной на очень плохом идише. Ее дедушка когда-то приехал из Багдада.

– «Мама, папа говорить на арабский, и я на арабский. Но в Иерусалим я жить с польскими евреями, могу говорить польский».

Под польским она имела в виду идиш.

После этого я в основном говорил с евреями на иврите через переводчика, но иногда некоторые с гневом отказывались общаться на иврите. Это всегда были ортодоксальные польские евреи. Они выступают против иврита как разговорного языка, считая сионистов безбожниками¹⁴. Пару раз на улице я останавливал мальчишек, по пейсам и капотам которых я понимал, что они из хасидских семей. Они боялись говорить с нами на иврите.

Тель-Авив – что это за город?

Я часто слышал о Тель-Авиве как о современном европейском городе, но после того, как мне довелось побывать там несколько дней, мне показалось, что это скорее американский город, один из тех, что вырастают за одну ночь. Он напоминает мне новые части Эджмира или подобных ему прибрежных городков возле Нью-Йорка, которые растут с поистине американской скоростью.

Почти все дома в Тель-Авиве построены из белых песчаных кирпичей. Кирпичи сами по себе белые и сверху покрыты белой известью.

Во многих местах старые здания сносят, чтобы на их месте возвести более высокие. Маленькие дома возводились, когда все думали, что Тель-Авив будет небольшим городком для торговцев из Яффо. Тогда никто и не мечтал, что из него вырастет крупный город с магазинами и фабриками. Но сейчас цена недвижимости так высока, что строить на участке земли маленькие дома – непозволительная роскошь. Земля стоит слишком дорого. Та же ситуация, что в американских городах, но в меньшем масштабе.

14 Религиозные евреи не поддерживали возрождения иврита в качестве разговорного языка, считая его языком священных текстов. Сионисты, напротив, игнорируя религиозную составляющую иврита, считали необходимым его воссоздание как нового общего разговорного языка, без которого невозможно еврейское государство.

Я смотрю на дома, которые только недавно начали строить, на бочки цемента рядом с ними; на то, как мешают известку; на рештование; смотрю на молодых людей, которые стоят на деревянных лесах и просят подать еще ведро с известкой. Я смотрю на полузаконченные магазины, которые снаружи выглядят почти построенными, но не понятно, изменят ли они форму, размер или и вовсе исчезнут. Я смотрю на надписи на иврите, начертанные на холстах или просто на бумаге, и весь Тель-Авив кажется мне скорее начинанием, надеждой, чем реально существующим городом.

В городе есть бульвар – так называется узкий парк с красивыми зелеными растениями и цветами. Пока его поливают, он цветет. Но даже его облик кажется чем-то нереальным, неопределенным.

Там, где заканчивается парк, стоят несколько красивых зданий. Я был в одном из них, и оно по-настоящему красиво и удобно. С плоской крышей, откуда видно море, дом выглядит необычно. Но, если немного отойти от этого места с интересными домами и впечатляющими тропическими деревьями, вновь возникает ощущение, что это еще не город, а только будущий город.

Тель-Авив растет слишком быстро. Возможно, даже быстрее, чем американские города во время строительного бума. Поэтому сейчас в городе нет многих вещей, которые должны там быть. Стремительный рост обгоняет строительство. Так, город был обустроен для тысяч десяти жителей, а скоро их уже будет сорок.

Число построек и персонала учреждений слишком мало для города такого размера. Главный почтмейстер Фишл Закс, уроженец Иерусалима, справляется со своей работой великолепно. Но ему надо в три раза больше сотрудников, чем у него сейчас есть. Сейчас получается так, что работники выбиваются из сил, а посетителям все равно приходится ждать очень долго.

Улицы очень узкие, и даже улицу Херцль, главную торговую улицу, нельзя назвать достаточно широкой. Когда разрабатывали первый план города и его будущих кварталов, никто не мог представить, как быстро город будет развиваться.

Хороших широких улиц почти нет.

Улица Алленби была проложена позже, чем улица Херцль, и потому заметно шире. Это лучшее место для прогулки в Тель-Авиве. Но и она выглядит еще не законченной.

Если пройти по новым районам, можно увидеть длинные ряды домов, законченных, строящихся и едва начатых. Все они белые. Длинные полосы белых стен, уходящие вдаль. Этот белоснежный цвет вызывает чувство нервозности, как будто никто не знает, что будет с этими домами дальше.

* * *

АВРААМ КАГАН

ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО ПАЛЕСТИНЕ
В 1925 ГОДУ

Такое же чувство и на многих лицах, что я вижу на улицах.

Я много раз гулял по улице Херцль, рассматривая магазины, рестораны и окружающих людей. Долго идти по тротуару представляется невозможным. Тут строится новый дом, там тротуар просто разбит. [...]

Магазинчики преимущественно небольшие. Есть несколько побольше, в двух из которых ощущается дух изобилия. В Нью-Йорке эти магазины считались бы лавками. Но они собираются расширять ассортимент и ждут лучших времен. На каждом шагу расположены ларьки с содовой и сигаретами.

Слишком много магазинов, слишком много кафе, слишком много парикмахерских. Там, где могло сделать выручку одно заведение, находятся четыре или пять.

Я специально прошелся по магазинам. Тут можно купить некоторые вещи, как в крупном городе, но, если вам нужны по-настоящему качественные товары, вы вряд ли достанете их в Тель-Авиве. В Иерусалиме в этом смысле ситуация обстоит лучше, хотя он, в конце концов, вполне провинциальный городок.

Разумеется, если Тель-Авив продолжит расти, это повлечет развитие промышленности и торговли, и ситуация изменится. Появится ощущение реальности и устойчивости.

Толпы народа на Гранд-стрит в Нью-Йорке и на улице Налевки в Варшаве чувствуют себя как дома, чего не скажешь об улице Херцль. Во-первых, здесь много эмигрантов, и это заметно сразу; во-вторых, даже те, кто тут давно, не выглядят, как те, кто осел в Тель-Авиве.

Возможно, мне это только кажется? Нет; я говорил об этом со многими людьми, и у них то же ощущение.

* * *

Тель-Авив расположен на самом берегу моря. Пятнадцать минут ходьбы от центра города до пляжа. Было бы намного меньше, если бы улицы были как следует вымощены. Сейчас приходится продирааться сквозь песок.

Почти у самой воды находится кафе «Казино» с видом на море. Оно очень маленькое. Рядом есть несколько ларьков – все как будто временное.

На берегу есть маленькая узкая скамейка, места на которой не хватает. Но для молодежи песок – лучшее место, чтобы посидеть. В выходные по субботам тут всегда толпы людей, но и в будние дни весьма оживленно.

Здесь же на пляже находится площадка под открытым небом для митингов рабочих, сцена и скамейки. Если пришедших на митинг больше, чем мест на скамейках, люди сидят на песке.

Я принимал участие в одном из таких митингов. Это было на лекции Берла Кацнельсона – одного из ключевых деятелей палестинского рабочего движения и редактора палестинской рабочей газеты «Давар». У меня была возможность посмотреть на пришедших как со сцены, так и вне ее. Собрались около полутора тысяч человек, и около 80% из них была молодежь 18–25 лет. Из 20% я заметил только трех человек преклонного возраста: один пожилой еврей с короткой седой бородой сидел на втором ряду и внимательно прислушивался. Женщин было намного меньше, чем мужчин, всего около двухсот.

Выступавший, конечно, говорил на иврите. Лекция была на очень серьезную тему, и пришедшие слушали ее с большим интересом.

* * *

Было очень жарко. Солнце светит ярко, ни клочка травы. Только песок, и песок, и песок. Есть несколько деревьев, но их мало и они все в пыли. Поливать растения было бы непозволительной роскошью, потому что с водоснабжением дела обстоят так же, как и с другими коммуникациями: город перерос свою инфраструктуру.

Водоснабжение здесь намного проще, чем в расположенном на горах Иерусалиме, но нынче с водой стоит быть экономнее. В основном потому, что одновременно строится слишком много домов, а при строительстве вода нужна для смешивания цемента и извести.

Однако для бульвара Ротшильда делают исключение. Его поливают регулярно, и он выглядит хорошо, хотя растения и кажутся немного суховатыми.

Плотного слоя зелени нет даже на бульваре. С крупнолиственными цветами соседствуют невысокие деревья, окруженные участками иссохшей темной земли.

Так везде – и в окрестностях Тель-Авива.

Мне очень жаль, что у меня не получилось посетить Палестину весной. Все говорят, что в эти месяцы природа особенно красива и плодородна. Я беседовал на эту тему с одним знакомым, и он сделал интересное замечание:

«Как объяснить, что в восточных странах делают самые красивые ковры? Я понял это с тех пор, как живу в Палестине. Весенняя природа сама дает для них образец. В это время все наполнено таким

изобилием, таким буйством красок, что человеческий глаз смотрит на все это зачарованно».

АВРААМ КАГАН
ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО ПАЛЕСТИНЕ
В 1925 ГОДУ

У другого из моих близких знакомых я спросил: «А как обстоят дела с горами, которые тянутся почти вдоль всего пути из Иерусалима в Тель-Авив?» На что мне ответили, что и в горах есть плодородные участки, которые зацветают весной.

Чуть дальше от Тель-Авива начинаются намного более зеленые пейзажи. Уже в нескольких милях от города расположены фермы и апельсиновые сады.

* * *

Только начинаешь привыкать к местной жизни, как происходят совсем странные события.

Я гуляю по какой-то из тель-авивских улочек. Со второго этажа дома слышится пианино, играют замечательно. Я иду ближе на приятные звуки. Навстречу мне выходит интеллигентного вида человек с портфелем под мышкой, в белом выглаженном костюме. На другой стороне паркуется новенькая машина, только с фабрики. И тут же рядом со мной проходит верблюд с грузом на спине – мешками с песком, висящими по обеим его сторонам. За ним следует второй верблюд, третий, четвертый... Целая вереница верблюдов, нагруженных мешками с песком. Верблюды связаны между собой веревкой. Так они и идут, медленно и грациозно ступая своими длинными ногами, покачивая узкими мордами в такт ходьбе.

Я мог бы представить себе такую картину где-нибудь в пустыне или восточном городе, но не среди этих современных зданий и современных людей.

А вот едет еврей на осле, тоже нагруженном мешками. Рядом трое арабов, двое из них босые. Третий нарядно одет, вокруг его красной шапки повязана желтая ткань. За ним идет жена, полностью покрытая плотной черной тканью. Лица не видно. Интересно, как она вообще может видеть, куда идет.

На улицах стоят еврей-полицейские в летней униформе коричневого цвета. На одной стороне их воротника и эполета надписи на иврите, на другой – на английском.

Люди здесь встают очень рано, потому что в это время прохладнее и легче работать. Я тоже встаю рано и люблю наблюдать из окна сцены уличной жизни. Снова смесь Европы и Америки с древним Востоком. Евреи идут со своими сумками на рынок, куда арабские фермеры на ослах завозят продукты. [...]

* * *

Тель-Авив и Яффо расположены очень близко. Я побывал там два раза, путь на дрожках занимает одиннадцать минут, на машине – пять. Нужно держать в уме, что дорога в плохом состоянии, вся в пыли и грязи.

Считается, что Тель-Авив и Яффо – два разных города, но, если ехать через центр города, переход между ними совсем незаметен. Вы едете по одной и той же улице, но в какой-то момент вам говорят, что здесь начинается Яффо.

Если проехать подальше, различия между городами становятся очевидны. Яффо – старый, грязный и бедный восточный город. [...]

Здесь тоже живет немного евреев, им принадлежат важные магазины. Раньше в Яффо жили несколько тысяч евреев, но после погромов они переехали в Тель-Авив¹⁵.

Яффо – один из старейших городов мира. Разумеется, он выглядит уже не так, как раньше. Его много раз разрушали и отстраивали заново.

* * *

Яффо всегда были морскими воротами всей Палестины. Это очень древний порт. Так, улица между площадкой, куда приходят корабли, и портовыми магазинами и конторами чрезвычайно узка. Никакая лошадь или телега там не проедет. Однажды, когда я по ней шел, араб передо мной катил бочку с маслом. Мы не смогли разойтись. Мне и другим пешеходом пришлось ждать около десяти минут, пока араб выкатит бочку на более широкое место.

Земля и магазины на этой улице принадлежат американской церкви. Они тоже не могут ее расширить.

Железнодорожный центр Палестины сейчас находится в Лодде, недалеко от Яффо. Там сходятся основные железнодорожные пути. Евреи ждут, когда этот узел перенесут в Тель-Авив. Тогда еврейский город тоже стал бы портовым.

Яффо – это город прошлого; Тель-Авив, если все ожидания оправдаются, – город будущего. Но мы говорим о том, что есть сейчас, а сейчас Яффо – намного более важный торговый центр. [...]

Между Яффо и Тель-Авивом ходит автобус, проезд стоит полпиастра (два с половиной цента). В Тель-Авив ездят много арабов – на заработки и чтобы торговать. В отеле, где я жил,

15 Имеются в виду беспорядки в Яффо в 1921 году, в ходе которых были убиты около ста человек – как евреев, так и арабов.

официанты и служащие были арабы. Некоторые арабы владеют в Тель-Авиве землей, некоторые управляют кафе или магазинами. Если это кафе, то только для арабов.

АВРААМ КАГАН
ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО ПАЛЕСТИНЕ
В 1925 ГОДУ

Яффо – это город прошлого; Тель-Авив, если все ожидания оправдаются, – город будущего. Но сейчас Яффо – намного более важный торговый центр.

Для художника Яффо был бы намного интереснее, чем Тель-Авив с его прозаичными рядами белых домов. Старые города всегда интереснее. Но, если мы говорим о культуре и планах на будущее, первенство здесь принадлежит Тель-Авиву.

Перевод с идиша и комментарии Аси Лейдерман

